

Шарапов Сергей Федорович

Бумажный рубль

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 03
ББК 92
С32

С32 **Сергей Федорович Ш.**
Бумажный рубль / Шарапов Сергей Федорович – М.: Книга по Требованию,
2022. – 166 с.

ISBN 978-5-521-30661-9

ISBN 978-5-521-30661-9

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2022

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2022

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

О Т Ъ а в т о р а .

Настоящее изслѣдованіе представляетъ первую попытку связать славянофильское ученіе съ данными экономической науки, освѣтить, съ одной стороны, экономическія явленія съ точки зрѣнія закона свободы человѣческаго духа, съ другой—найти реальную опору славянофильскимъ нравственнымъ и политическимъ воззрѣніямъ.

Я избралъ предметомъ изслѣдованія вопросъ о бумажныхъ деньгахъ потому, что онъ является, такъ сказать, средоточіемъ всей экономической науки. Мнѣ хотѣлось показать, что, оставаясь на почвѣ механическихъ законовъ необходимости, экономика ни къ чему не придетъ и не можетъ прийти, развѣ къ удостовѣренію, что у человѣчества нѣтъ иной будущности, кромѣ рабства слабого у сильнаго, или гибели всего современнаго строя путемъ бунта слабыхъ.

Деньги—вотъ орудіе экономическихъ отношеній лицъ, группъ и странъ. Господствующая на Западѣ денежная система выражаетъ непосредственно бесиліе нынѣшней экономической науки. При всемъ относительномъ совершенствѣ денежнаго обращенія на Западѣ, при безчисленномъ множествѣ всякихъ организацій, формъ, гарантій, союзовъ и соглашеній, довольно немного углубиться въ сущность западныхъ денежныхъ условій, чтобы увидать въ нихъ неизбѣжный зародышъ того же страшнаго разложенія, которое съѣдаетъ западную науку, искусство, религію, философію.

право, государственность, словомъ, всю западную цивилизацію во всемъ ея объемѣ и проявленіяхъ.

Зародышъ этотъ—начало *бездѣшного формализма*, замѣнившаго мало-по-малу всюду идеальное начало *вѣры*; начало условнаго и относительнаго, замѣнившее мало-по-малу начало абсолютнаго, высшаго и вѣчнаго, высоко вознесшее и разнуздавшее хищное человѣческое *я* и обратившее всѣ стороны жизни цивилизованнаго человѣчества въ огромную арену безконечной борьбы эгоизмовъ. Эгоизмы эти то топятъ безжалостно другъ друга, то, уставъ въ борьбѣ и впадая въ отчаяніе, слиятыя путемъ холодной разсудочной спекуляціи придумать такія нормы и рамки, при которыхъ было бы возможно *кое-какъ жить*.

Но не удастся это Западу ни въ какой области. Куда ни взглянешь, повсюду человѣческая мысль упирается въ отчаяніе и небытіе. Религія выродилась въ матеріалистическій атеизмъ, философія—въ *пессимизмъ*, государственность—въ *анархизмъ*, этика—въ *проповѣдь чистѣйшаго эгоизма*, экономика—въ *формальное торжество хитрости и силы съ одной стороны, рабства, нищеты и неугасимой ненависти—съ другой*.

Безсиліе Запада въ области мысли до того поразительно за послѣднее время, что кромѣ опошленныхъ, износившихся и полныхъ внутреннихъ противорѣчій нѣсколькихъ модныхъ міровоззрѣній не является ничего на смѣну, не блещетъ нигдѣ ни луча надежды. Да и не откуда ему тамъ взяться!...

Славянофильство, скромно стоявшее особнякомъ, въ сторонѣ отъ старыхъ великихъ очаговъ человѣческой мысли, теперь оказывается единственнымъ міровоззрѣніемъ, единственною философіею полною жизни и *вѣры въ жизнь*. Оклеветанное, осмѣянное, оно вдругъ начинаетъ привлекать къ себѣ взоры и умы. Къ нему начинаютъ прислушиваться, начинаютъ его изучать.

Настоящее изслѣдованіе представляетъ слабую попытку пополнить и развить основныя воззрѣнія славянофильства въ той области, до которой оно почти не касалось ранѣе. Это область экономическая. Думаю, что мнѣ посчастливилось, исходя изъ

основъ этого ученія, данныхъ Кирѣевскимъ, Хомяковымъ, Аксакковымъ, Самаринымъ, Данилевскимъ, и пользуясь строго научными приѣмами, школы, посылно пополнить это ученіе. Я хотѣлъ показать, что и въ экономической области достаточно отвергнуть нѣкоторыя условности и побѣдить застарѣлыя предразсудки, чтобы жизнь тотчасъ предъявила свои права и показала возможность органическаго творчества тамъ, гдѣ до сихъ поръ видѣли лишь стихійную игру слѣпыхъ силъ. Государство, какъ условность, какъ мертвенная форма, олицетворяющая внѣшній порядокъ, не смѣетъ и мечтать ни о какомъ экономическомъ творествѣ. Наоборотъ, государство, какъ живое выраженіе мірскаго, соборнаго начала, олицетворенное въ живомъ полномъ властномъ Государѣ, оказывается необычайно творческимъ и могущественнымъ. Деньги — золото, деньги — власть, деньги — темная сила и орудіе рабства слабого у сильнаго, обращаются въ расчетную бумажку, безпритязательнаго объективнаго счетчика, въ орудіе христіанской помощи народному труду, предпримчивости и сбереженію. Выясняется возможность полнаго примиренія и не условнаго только, а прочнаго, истиннаго, враждующихъ человѣческихъ эгоизмовъ путемъ отнятія незаконной *власти* у одного и возвращенія законной *свободы* другому. Тамъ, гдѣ на Западѣ раздается какъ послѣднее слово, слово отчаянія, славянофильство смѣло поднимаетъ свой голосъ надежды и оправданной, уясненной, раскрытой вѣры въ лучшее будущее человѣческаго изобрѣтенія, труда и скромнаго стяжанія. Сущность экономическихъ процессовъ остается та же, отъ вѣка представленная Провидѣніемъ, какъ законы движенія и равновѣсія, свѣта и электричества но человѣкъ освобождается отъ власти слѣпыхъ силъ, становится не бездушнѣйшей пѣшкой въ экономической борьбѣ, какимъ силилась утвердить его западная наука, а живымъ, свободнымъ дѣятелемъ, примѣняющимъ эти законы сознательно, а не только имъ пассивно подчиняющимся. Если будетъ справедливо на весь міръ экономическихъ явленій смотрѣть какъ на «систему человѣческихъ дѣятельностей, обусловливаемыхъ и направляемыхъ поль-

зою», то разница между западными и славянофильскимъ взглядами немедленно обнаруживается. Идея «пользы» тамъ есть самостоятельная, самодовлѣющая сила, ничего выше себя не знающая. Здѣсь ея истинное мѣсто лишь какъ *служебнаго начала* другому высшему нравственному и безсмертному началу. Понятія совершенно перестанавливаются, и человѣкъ изъ покорнаго раба силъ экономическихъ становится ихъ господиномъ, обращающаго изъ рабовъ Ротшильда въ «рабы Господни», единственное сладкое рабство, съ коимъ сознательно мирится и въ коемъ воистину освобождается безсмертный духъ человѣка.

И въ этомъ признаніи, въ этой перестановкѣ понятій тотчасъ же раскрывается и истинно великая сила нравственнаго начала, поставленнаго, какъ высшая власть. Экономическое начало пользы злое и безсмысленное, какъ признанное божество новаго Запада, становится творческимъ орудіемъ и послушною силою въ рукахъ государства, построеннаго не на эгоистическомъ началѣ *договора*, а на нравственномъ — *доброты*.

Съ этой точки зрѣнія я и прошу читателя взглянуть на изложенные въ этой книгѣ законы творчества мнимыхъ капиталовъ, регуляторъ денежнаго обращенія въ государствѣ, зависимость постоянства денежной единицы отъ обстановки главнаго народнаго труда, образованіе государственныхъ запасныхъ капиталовъ и пр., и пр. Всѣ эти законы раскрыты только посредствомъ изслѣдованія той денежной формы, которая по существу своему *нравственна* и, какъ таковая, не поддается западной игрѣ эгоизмовъ и западной наукою отвергается.

Важность этихъ законовъ, независимо отъ ихъ вѣрности и научнаго значенія, лежитъ, по моему мнѣнію, еще въ томъ, что, уясняя вопросъ о правильномъ устройствѣ экономической жизни въ государствѣ, они раскрываютъ неизмѣримо далекія перспективы, указывая на второстепенное значеніе экономического міра явленій и вознося передъ государствомъ высшія и величайшія цѣли бытія. Указывая, что вопросъ о «пользѣ» и ея проявленіяхъ въ общежитіи, разрѣшается къ полному удовле-

творенію и благополучію трудящихся, берегающихъ и умствующихъ, не говорятъ ли повелительно эти же самые законы, что и трудиться, и беречь, и умствовать возможно лишь во имя иныхъ, вѣчныхъ и высокихъ цѣлей, возносящихся тѣмъ ярче и виднѣе, чѣмъ лучше, понятнѣе и достижимѣе справедливость и спокойствіе обстановки временной, матеріальной чело-
вѣка?

Вотъ съ этой точки зрѣнія я и позволяю себѣ надѣяться, что мой трудъ имѣетъ значеніе въ цѣломъ составѣ славянофильскаго міровоззрѣнія. При всей неполнотѣ, неясности, сбивчивости и плохомъ расположеніи частей моего изслѣдованія, я думаю, что мнѣ удалось выяснить и отмѣтить по крайней мѣрѣ важнѣйшее, и что тѣ, кому по душѣ придется мой трудъ, не затруднятся его пополнить и исправить, не теряя общей руководящей нити.

Но и кромѣ этого принципиальнаго значенія я хотѣлъ бы надѣяться, что мой трудъ не останется безъ нѣкоторой прямой доли пользы. Въ русскомъ обществѣ не имѣется никакихъ установившихся взглядовъ на финансовыя вопросы. Западныя теоріи, такъ дорого стоившія нашему государственному и народному хозяйству, потеряли кредитъ и въ общественномъ обиходѣ держатся лишь по недоразумѣнію. Между, тѣмъ русской теоріи, русскихъ взглядовъ не выработалось, и потому господствуетъ необычайная путаница, прямо отражающаяся и на нашей финансовой практикѣ. Наряду съ мѣропріятіями, указывающими на нѣкоторое приближеніе къ пониманію смысла и значенія абсолютныхъ знаковъ въ самодержавномъ государствѣ, возникаютъ и осуществляются проекты и предположенія прямо противоположнаго характера, наносящія нашему бумаго-денежному обращенію серьезный ущербъ. Ни съ того, ни съ сего весь газетный хоръ начинаетъ, напримѣръ, вдругъ славословить золотую валюту, абсолютныя деньги называть «сладкимъ ядомъ» и плакать о прекратившемся полвѣка назадъ металлическомъ у насъ обращеніи.

Вслѣдъ за славословіемъ является неожиданно мѣра, которая

никогда бы не могла получить своего осуществленія, будь въ нашемъ обществѣ и у специалистовъ установившіяся финансовыя воззрѣнія. Между тѣмъ разрѣшеніе сдѣлокъ на золотую валюту, исходя изъ того взгляда, что золото деньги лучшія, деньги болѣе вѣрныя, чѣмъ «сладкій ядъ» — кредитные билеты — поражаетъ въ самый корень нашъ абсолютный знакъ, выдвигаетъ вновь вопросы, повидимому исторію уже порѣшенные...

Въ виду особеннаго значенія этой мѣры и въ предвидѣніи ея печальныхъ послѣдствій, для русскаго общества будетъ особенно важно разобратъ въ мотивахъ, ее вызвавшихъ, и оцѣнить, какъ нравственное, такъ и теоретическое значеніе неожиданно выдвинувшейся впередъ идеи о возстановленіи у насъ металлическаго обращенія. Имѣя въ виду эту потребность, я счелъ себя вынужденнымъ измѣнить мое первоначальное намѣреніе — вновь, кореннымъ образомъ переработать помѣщенные въ «Русскомъ Обозрѣніи» 1893 года статьи «Основы русской денежной системы». Я выпускаю ихъ почти въ черновомъ видѣ, безъ всякой обработки, надѣясь на снисхожденіе читателя и припоминая предисловіе Виктора Гюго къ его «*Histoire d'un crime*»: *Ce livre n'est pas seulement utile, il est urgent—je le publie*.

Часть I.

Теоретическая постановка вопроса объ абсолютныхъ (бумажныхъ) деньгахъ.

I.

Въ ряду такъ-называемыхъ гуманитарныхъ наукъ наука о финансахъ занимаетъ положеніе совершенно исключительное. У нея существуетъ обширная литература, представляющая очень подробное и остроумное изслѣдованіе фактовъ, накопившихся цѣлыми столѣтіями. Изъ анализа этихъ фактовъ выведены обобщенія, законы и правила, складывающіеся въ стройныя системы. Самая наука имѣетъ предметомъ явленія, въ значительной степени подлежащія опыту и учету и выражающіяся въ цифрахъ. И именно эта-то наука, какъ оказывается, разошлась съ живою жизнью до такой степени, что становится возможнымъ не въ шутку, а совершенно серьезно поставить такой вопросъ: кто кому долженъ подчиняться — жизнь финансовой наукѣ, или эта наука жизни?

Какъ ни страненъ этотъ вопросъ, но разъ онъ поставленъ, онъ обличаетъ крупное внутреннее недоразумѣніе, въ которомъ необходимо разобраться. До сихъ поръ мы понимали науку вообще, какъ изслѣдованіе и уясненіе тѣхъ законовъ, по которымъ движется жизнь въ ея разнообразнѣйшихъ областяхъ и проявленіяхъ. Какимъ бы методомъ ни было сдѣлано извѣстное обобщеніе, оно, чтобы стать научнымъ закономъ, должно непременно не только выяснять и систематизовать явленія, но и управлять ими, предвидѣть и предсказывать ихъ.

Если мы съ этой точки зрѣнія подойдемъ къ такъ-называемой финансовой наукѣ, то наша вѣра въ нее (если предположить, что та-

ковая была) непременно посрамится. Финансовая наука выдвигает свои законы, а жизнь имъ совершенно противорѣчитъ. Финансовая наука, на основаніи своихъ умозрѣній, рекомендуетъ тѣ или другія мѣры, жизнь ихъ отвергаетъ. Наконецъ, финансовая наука предсказываетъ явленія, вычисляетъ и соображаетъ, а въ дѣйствительности получается совсѣмъ другое, иногда прямо противоположное.

Про какое-нибудь сравненіе съ точными науками никакой и рѣчи быть не можетъ. Астрономія, на примѣръ, предсказываетъ затменіе на тысячу лѣтъ впередъ, и оно совершается минута въ минуту. Механика вычисляетъ смѣлую арку моста, и мостъ выдерживаетъ какъ-разъ ту тяжесть, какая отъ него требуется. Химія на основаніи извѣстныхъ умозаключеній предсказываетъ, что должно быть открыто такое-то простое тѣло съ такой-то плотностью пара и атомнымъ сродствомъ, и тѣло открывается именно такое. Даже медицина, въ общемъ представляющая совершенно невоздѣланное поле, и та въ своемъ экспериментальномъ запасѣ имѣетъ нѣсколько безспорныхъ правилъ и указаній: дайте пациенту въ такомъ-то случаѣ то-то, и произойдетъ то-то.

Ничего подобнаго такъ-называемая финансовая наука не имѣетъ и не знаетъ, и всѣ ея построенія по меньшей мѣрѣ спорны, а практическіе совѣты въ большей части никому не годны.

Если мы попытаемся анализировать происхожденіе и развитіе западной финансовой науки, мы легко убѣдимся, что, собственно говоря, наука эта тамъ еще и не зарождалась. Для нея не было вовсе почвы. Финансовая наука—законное дитя политической экономіи. А что представляетъ эта наука? Она, начиная съ Адама Смита, своего основателя, продолжая Жаномъ Баптистомъ Сеемъ и Рикардо, и кончая социалистами, дала цѣлый рядъ школъ и остроумныхъ писателей. Текущія явленія экономической жизни были изучены въ подробностяхъ и подведены подъ извѣстные законы, довольно вѣрно выражающіе вѣдѣнные признаки явленій. Адольфъ Вагнеръ посвятилъ спеціально Россіи огромный трудъ, долгое время считавшійся чѣмъ-то въ родѣ финансоваго у насъ евангелія. Внутренняя, психологическая сущность экономическихъ процессовъ была, однако, изслѣдователями оставлена въ сторонѣ, и на основаніяхъ простой чисто-механической повторимости, а въ духовномъ отношеніи на основаніи одной идеи *полезы* было признано, что экономическимъ міромъ явленій управляютъ такіе же слѣпые законы необходимости, какіе управляютъ неодушевленную природой. Всякая борьба съ этими законами, или всякое стѣсненіе ихъ свободнаго проявленія является по воззрѣніямъ эконо-

мистовъ нарушеніемъ основнаго принципа *пользы*, который въ своемъ свободномъ видѣ заключаетъ всѣ элементы техническаго и культурнаго совершенствованія, достаточнаго для человѣчества.

Совершенно въ сторонѣ отъ міроваго научнаго движенія стоитъ гениальный изобрѣтатель бумаго-денежной системы и великій финансистъ-практикъ — Джонъ Ло съ своими плохо прочтенными и теперь позабытыми сочиненіями. Въ сторонѣ же стоитъ и группа такъ-называемыхъ утопистовъ, пытавшаяся посредствомъ крайне остроумныхъ, но разсудочныхъ комбинацій обойти законы органическаго творчества въ мірѣ экономіи и *сочинить* новыя финансовыя системы, оказавшіяся сплошь неудачными. Наконецъ, виднѣтся Фридрихъ Листъ, впервые признавшій великую роль нравственнаго начала въ экономическомъ мірѣ и совершенно развѣнчавшій матеріалистическое ученіе Адама Смита и Сэя. Но этотъ замѣчательный экономистъ высказываетъ лишь самыя общія идеи и почти совсѣмъ не говоритъ о финансахъ. Изъ всей серьезной литературы по этому вопросу, не исключая и твореній Адольфа Вагнера, одно только имя и приходится на Западѣ произнести съ глубокимъ уваженіемъ, это имя Родбертуса, къ сожалѣнію, только намѣтившаго истинные законы денежнаго обращенія въ своей знаменитой книгѣ «Исслѣдованія въ области національной экономіи классической древности», но отнюдь ихъ не разрѣшившаго.

И сейчасъ, какъ и тридцать лѣтъ назадъ, финансовая наука въ лицѣ ея наиболѣе выдающихся представителей на Западѣ, стоитъ все на томъ же *золотомъ* основаніи. И сейчасъ еще она насквозь матеріалистична, и это лишаетъ ее всякой глубины и всякой основательности. Какъ ни чудовищны практическіе выводы изъ теоретическихъ псевдо-научныхъ построеній, у Запада словно не хватаетъ мужества взглянуть имъ прямо въ глаза.

Управляемый *пользою*, экономическій міръ, по возрѣніямъ западныхъ экономистовъ, имѣетъ могучимъ орудіемъ борьбу индивидуальных эгоизмовъ между собою. Въ этой борьбѣ, носящей техническое названіе *конкуренціи*, люди сами собой изоцряются и придумываютъ все болѣе и болѣе совершенныя орудія борьбы. Для большаго успѣха въ дѣлѣ люди сплавиваются въ группы и союзы, удесятеряютъ этимъ свои разрозненныя силы и начинаютъ бороться уже не человѣкъ съ человѣкомъ, а группа съ группою, общественный классъ съ классомъ, наконецъ народъ съ народомъ.

Положенный такимъ образомъ въ основаніи политической экономіи элементъ борьбы явился въ сущности совсѣмъ не случайно.

Если признавать дѣйствіе данной духовной и исторической среды на формулованіе и направленіе господствующихъ міровоззрѣній, то нельзя не усмотрѣть, что *борьба* лежитъ на Западѣ въ основѣ всего, окрашиваетъ и одухотворяетъ собой все. Въ области вѣры—борьба авторитета и свободы. Въ области права—борьба индивидуума и общества. Въ области государства—борьба власти и автономіи. Наконецъ, даже въ области природы—борьба за существованіе, знаменитая *struggle for life*, увѣнчивающая и какъ бы оправдывающая весь циклъ борьбы.

Ясно, что умъ мыслителей, окруженный въ жизни, въ вѣрѣ и въ наукѣ одной борьбой, не могъ не перенести ее и въ область экономики, гдѣ борьба совершается вполне открыто на глазахъ зрителя, гдѣ сильный рветъ у слабого, что можетъ, торжествуя и радуясь, что непосредственныя, ближайшія, по крайней мѣрѣ, формы борьбы облечены въ совершенно приличную оболочку, что нѣтъ ни грубого насилія, ни стонovahъ, какъ въ тѣ времена, когда сильный бралъ слабого за горло. Теперь та же, или можетъ быть еще ужаснѣйшая борьба совершается безъ воплей и стонovahъ. Утромъ заглянули въ газету, въ полдень написали на бумажкѣ нѣсколько цифръ,—къ вечеру часть имущества, а иногда и все имущество одного самымъ несправедливымъ по существу образомъ перешло къ другому. Жаловаться некому и не на кого. Васъ ограбилъ не Петръ, не Иванъ, не разбойникъ рыцарь, васъ ограбила биржа, ограбилъ неизвѣстно кто, васъ раздавила невидимая рука и притомъ рука, одѣтая въ мягкую перчатку «правового порядка».

Въ экономикѣ, основанной на борьбѣ, часть ея, финансовая наука, явилась совершенно послѣдовательно орудіемъ борьбы. Подобно тому, какъ военные техники съ величайшей быстротой изобрѣтали за послѣднее время все ужаснѣйшія орудія разрушенія, западная финансовая наука, развиваясь неумолимо-послѣдовательно въ одну сторону, выковывала наиболѣе совершенное орудіе для экономической борьбы, переводила эту борьбу съ маленькаго единоборства какого-нибудь сапожника съ его потребителемъ, или ростовщика съ должникомъ, на борьбу Ротшильда съ цѣлымъ человѣчествомъ, на борьбу міра англо-саксонскаго съ германскимъ изъ-за рынковъ для мануфактуръ, или на борьбу Америки съ Россіей изъ-за золота и пшеницы.

Финансовая наука Запада шла рука объ руку и росла съ уснѣхами такъ-называемой цивилизаціи, то-есть пара и электричества. Не больше, чѣмъ въ какіе-нибудь полвѣка тихое когда-то и почти